

**ФАЗИЛЬ
ИСКАНДЕР**

ЗЕЛЕНЫЙ
ДОЖДЬ

**ФАЗИЛЬ
ИСКАНДЕР**

**ЗЕЛЕНЫЙ
ДОЖДЬ**

СТИХИ

СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ

МОСКВА • 1960

ПАРЕНЬ С ЯСТРЕБОМ

Он идет травюю колкой
От дороги в стороне.
Кверху клювом перепелки
Вздрагивают на ремне.

Ястреб взглядом диковатым
Озирает мир, крича,
С головы его лохматой,
Как с вершины кедрача.

Вот курчавый виноградник,
Вот и домик угловой.
Там веселый палисадник
Убран девичьей рукой.

Он с заминкой свистнул тонко,
Опершись о городьбу,
И на свист его девчонка
Выбегает на тропу.

Легкая, летит, как пчелка,
Бросив книгу на окне,
А на лбу трясется челка,
Современная вполне.

Молода да тонкоброва,
С чайником летит она
Молодого, молодого,
Молодецкого вина.

И почти без передышки,
Зарумянившись лицом,
Поит малого из крышки,
Сполоснув ее винцом.

Парень пьет из этой чаши.
Успевай лишь подносить!
— Хорошо вино, да вяжет...
Чем бы сладким закусить?

Чем бы сладким? — белозубый
Улыбается нахал. —
Чем бы сладким... — глядя в губы,
Он решительно сказал.

Губы, губы у девчушки
В августовский знойный чад

Будто вишни-расклевушки,
Будто дикий виноград.

Ну а ястреб? Он ревнует.
Птица птицей, да не глуп.
Ястреб хохлится, бунтует,
Бьет кривым крылом о чуб!

Час свидания недолог.
Парень сходит под обрыв,
Ожерелье перепелок
Той девчонке подарив.

Мимо тропок, мелколесьем
Над оврагом запылил.
Держит ястреб равновесье
Плавным взмахом крепких крыл.

Мимо тропок. Мимо! Мимо!
По щетинистой траве
В клубах пыли, в кольцах дыма
Он, как жизнь, проходит мимо
С ястребом на голове!

1960

ХОЧУ Я В ГОРЫ...

Хочу я в горы, в горы, в горы,
Где молодые облака
Рождаются у ледника.
Я не в беде ишу опоры,
Мне жизнью были эти горы,
Мне снятся влажные луга.

Хочу туда, где водопад
Летит как брошенный канат,
Качаясь на лету,
Где, как раздавленный гранат,
Закат течет по льду.

Туда, где лавровишен грозди,
Глаза чумазые скосив,
Глядят без робости в обрыв,
Где пастухи играют в кости,
На камне бурку расстелив.

Хочу я в горы возвратиться,
Хочу я видеть, как волчица

Скулит от ярости и ран,
Когда, клыки ломая, тщится
Железный перегрызть капкан.

А дым бродяжий? Невесомо
Клубится, обживая кряж...
Знакомый, сызмальства знакомый,
Стократ родней родного дома
Пропахший ельником шалаш!

Там над огнем, стекая жиром,
С шипеньем каплют на дрова
Круги задымленного сыра,
Тяжелые, как жернова.

Там пастухи коров, мычащих
И вымя, как пудовый плод,
По травам и цветам влачащих,
К загонам гонят через чащи,
Через речной холодный брод.

Друзья, я с вами. И без клятвы
Мы слово держим, как топор.
А наши нервы крепче дратвы.
Верны мы сердцем сердцу гор.

Я к вам приду. Приду не в гости,
Пройдя охотничью тропу
От мелкой дружбы, мелкой злости
В большую, трудную судьбу.

И пусть, дыша в лицо мне жарко,
Распахивая мордой дверь,
На грудь мне кинется овчарка...
Я узнан! Лучшего подарка
Не надо. Скручена сигарка.
Легко, спокойно мне теперь.

1958

ПАРЕНЬ С МОТЫГОЙ

Откинув ситцевую блузу,
По пояс оголен, черняв,
Мотыжил парень кукурузу,
По телу солнце расплескав.

Он над провалом шел по круче,
Ломая землю и дробя,
К дубку корявому на случай
Веревкой привязав себя.

Как бы веревке той противясь,
Он двигался за пядью пядь.
Но не могла тугая привязь
Его движения связать.

И пот зернистый и обильный,
Густой, струящийся с трудом,
Он отжимал ладонью пыльной
И стряхивал со лба рывком.

Вцепясь корнями в грунт тяжелый,
Выравниваясь не спеша,
Тянулись к небу новоселы,
Листою плотною шурша.

На парня этого уставясь.
Стоял я долго на тропе,
И, гордость чувствуя и зависть,
Я думал о своей судьбе.

Каким неистовством природы
Он был от роду наделен,
Чтоб оседлать медвежий, турий,
К чертям сползающий уклон.

Землею влажною завален,
Упорный, яростный, босой,
В самозабвенье гениален,
Как Леонардо и Толстой.

1959

БУЙВОЛЫ

Буйволы по берегу крутому
Всем своим семейством толстокожим
В полдень потянулись к водоему.
Входят в воду, выбирают ложе.

Тяжелее броненосных глыб,
Черные, лоснясь до синевы, —
Над водою лишь рогов изгиб
И сопение жующей головы.

Вот лежит недвижно и угрюмо
Стадо молчаливых работяг.
Нравятся мне эти тугодумы
За медлительный, но твердый шаг.

За характер, не гадающий заранее —
Камни ли ворочать, в горы ль, в грязь.
Много людям сделали добра они,
Перед ними не ласкаясь и не льстясь.

Им под стать, где трактор не пройдет,
Землю выпахать и, встретивши врага,
Защищаться, выставив вперед
Узловатые, гранитные рога.

Пусть медлительны в работе буйволицы,
Их доить дояркам нелегко,
Но зато в подойники струится,
Как смола, густое молоко.

Каждый день по берегу крутому,
В полдень появляясь неизменно,
Буйволы проходят к водоему,
Отработав утреннюю смену.

1956

СОЛЬ

Я знаю соль. Я понял соли цену.
Живая кровь вязка и солона.
Да. Соль, где жизнь творится, неизменна.
Но понимать ее учила нас война.

Нежданно соль в тот год исчезла в лавках.
И обнажилась истина одна.
Запомнилось: когда за солью давка.
Грозит война или идет война.

Значенья раньше ей не придавали.
Что соль?! На год хватило бы кулька...
Ее в пакетиках на рынке продавали
Дороже хлеба, водки, табака.

Я вспоминаю пастухов смятенье,
Коров мычащих, блеющих овец.
Они лизали белые каменья,
Как до войны когда-то лизунец.

Потом, поймав ноздрями запах влажный,
Чашебы пробивая головой,
Спускались к морю. Гул стоял протяжный,
Валило стадо на соленый водопой.

Конец войне. Да помянут живые
Великих мертвецов моей страны!
Целую мать, узнавшую впервые,
Что слезы счастья тоже солони.

Я видел пахаря. По круче шел и шел он
Ожившим изваянием труда.
И сохла соль на лбу его тяжелом
И на плечах землистых, как руда.

Ее рукой он стряхивал небрежно.
Он шел за плугом по сырой земле.
И та же соль в солонке, белоснежна,
Сверкает на обеденном столе.

1958

ТУРИСТЫ

Я с теми согласен, не споря,
Кто любит походный костер,
Кто в горы уходит от моря,
Кто к морю спускается с гор.

Крутая тропинка не любит
Опущенных низко голов.
А лес — он тебя не погубит, —
Учись прямоте у стволов!

...Сквозь чащи аулами снова
Мелькает дороги петля.
Земля здесь, как люди, сурова.
А люди щедры, как земля.

Но вот уже Верхние Латы —
Сванетия вся за спиной.
И море встает у заката
Великой китайской стеной.

Разбиты палатки под кедром,
Разбиты над белой водой.
Стреляют палатки под ветром,
И гнутся брезенты дугой.

А утром палатки забыты;
Затоптан костер до конца.
К зеленым подножьям Кавхиды
Сойдете с хребта, как с крыльца.

Расстанетесь здесь торопливо,
Раздав адреса свои наспех.
И вот теплоход над заливом
Прохладной громадой, как айсберг.

Скрипучим подниметесь трапом.
И якорь ползет по отвесу
Мокрым коричневым крабом,
Железом гремя по железу.

Да здравствуют все перелески,
Покрытые мохом, как мехом!
И моря соленые всплески
И всплески свободного смеха!

...Жара разлилась по Кавказу.
Срываются к пляжам нагорья.
И тысячи девушек сразу
Целует волна Черноморья.

ВЕСНА

Вы замечали странное мгновенье,
Когда, всю силу раскатав, волна
Еще не хлынула обратно в исступленье,
Но держится инерцией она.

Вся белопенным мрамором Эллады,
В прожилках и в разводах голубых,
Секунду каменеет...
Но накатy
Медлительно подходят, узловаты,
Их обгоняют новые громады,
Переползают неуклюже через них.

Внезапно оживает все. Дельфины,
Горбатые выбрасывая спины,
Как бы вращаясь, лезут из воды.
Выпрыгивают из глухой пучины,
Сопят и плюхаются вновь на спины.
И воздух бьют упругие хвосты.
Табанят и фонтанят столб воды.

Но вот простор, барашками рябимый,
Все разом покидают, и в глубины
Осатаневшие от радости дельфины;
Почуявши таинственный позыв,
Светящеюся пеною одеты,
Голубовато-черные торпеды,
Уходят вдруг, зигзаги прочертив.

Весна повсюду. Вон стоит машина
У въезда в город, на краю шоссе.
У бокового зеркальца мужчина:
Должно быть, есть особая причина —
Он стоя бреется в тенистой полосе.

Цветет мимоза, золотя нагорья.
Дурманит ароматом. Впрямь весна!
Мимоза! Ты береза черноморья,
Красавица абхазского приморья,
Как шея девичья, округла и нежна.

...Смеркается. Земля поголубела.
Хожу, ищу любимое лицо.
Порою вздрагиваю оробело,
Похожее заметив пальтецо.

Огни судов я вижу удаленные,
Прожектора зеленоватый клин,
И ветви голые, рогато наклоненные,
И ноги женщин, жадно озаренные
Огнями пробегающих машин.

Брожу в толпе. И вдруг струей горячей
Ударит кровь. Знобящий холодок.

И — прómельком лицо. Почти ребячье.
Неловко отведенный локоток.
Фигурка девушки и уличный поток.
И сердце снова делается зрячим,
Но забывает пройденный урок!

1958

САХАРНЫЕ СЛИВЫ

Дом стоял на курьих лапках.
Мимо тропка пролегла.
На крыльце сидела бабка.
Бабка сливы стерегла.

Обжигаясь о крапиву,
Спотыкаясь на ходу,
Знаком, знаком, молчаливо
Я в обход веду орду
По сырому, по глухому,
По таинственному рву...
— Тихо!
— Тише! —
Мы у дома.
Где же сливы?
Сливы рву!

Ранним летом — это счастье
Сливы стряхивать с ветвей,
Хоть и жалко их отчасти, —
Суй за пазуху скорей!

Там лежат они сырою
Горкой в капельках дождя,
Кожу мокрой кожурую
Под рубашкой холодя.

Но порой за тем занятием
Заставала бабка нас
И молитвенным проклятием
Осыпала нас не раз.

Мы ей словом не потрафим,
Убегаем до реки.
Не боимся мы анафем,
А боимся мы клюки.

На полянке у осоки
Ноги делали привал.
Уплетаем в обе щеки,
Пировать — так наповал!

Не жалели мы наживы,
Мы жевали второпях
И разламывали сливы
С треском сахарным в зубах.

Долго, долго ароматный
И прохладный, как в саду,
Оставался запах мятный
От оскомины во рту.

...Мне бы жизнь прожить, как начал,
С пылу, с лету, впопыхах!

Пред лицом — лицо удачи,
За спиной — веселый страх.

Чтоб до смерти только юнгой
Быть у жизни на борту,
С тою детской жадной слюнкой,
С той оскоминой во рту!

1958

КУКУРУЗА

Предвидела ли, кукуруза,
В какие забредешь края?
Ты стала дочерью Союза,
Землячка скромная моя.

Тому, что было, не забыться,
Те дни сегодняшним родня.
Была ты осенью гостинцем,
Зимою — хлебом для меня.

О том забыла ты едва ли,
Как люди моего села
Тебя землею засыпали,
Чтоб лучше над землей росла.

Мы с ребятнею ждали долго,
Гадали, стоя у межи:
Когда же выметит метелка
И плод завяжется в тиши?

Качался стебель твой упруго,
И так топорщилась листва,

Как накрахмаленные туго
Рубахи свежей рукава.

И вот белесая косичка
Сверкнула у ребячьих глаз.
Казалось — юная сестричка
Вдруг появилась среди нас.

Как будто грузчики под грузом,
Держа отяжелевший плод,
Стояли стебли кукурузы,
Чуть наклоненные вперед.

Сдираем кожуру с початка.
Я помню тот скрипящий звук,
С которым, вывернув, перчатки
Срывают кожаные с рук!

Ты заменяла нам обеды,
Тебя мы жарили с утра,
Как маленькие людоеды,
Располагаясь у костра.

Мы были счастливы, кромсая
С огня горячую — не тронь! —
Отфыркиваясь и бросая
Тебя с ладони на ладонь!

Не оттого ль во всем Союзе —
Об этом думала ли ты? —
Как шорох листьев кукурузы,
Шуршат газетные листы!

Шагай до самой до Камчатки!
Откармливай коров и кур!
Теперь ты вроде депутатки
От южных полевых культур.

Зеленоблузой, златоокой,
Тебе дела страны под стать.
С тобой, с такою длинноногой,
Как раз Америку догнать!

1959

ЗЕЛЕННЫЕ ШТАНЫ

Штаны собака разодрала.
А мне на новые штаны
Не находилось матерьяла
В тот год по случаю войны.

Но выход есть. И в самом деле
Кроила мама до утра,
Пустив в расход для этой цели
Кусок старинного ковра.

Зелено-зубчатые листья,
Узор затейливой канвы.
Лиловых виноградин кисти
Проглядывали из листвы.

Смущенный несколько штанами.
Оглядывая те штаны,
Я думал, хлопая глазами:
Пожалуй, слишком зелены.

Потом пытался я в молчанье
Представить их со стороны.
Но вот пришли односельчане
И долго шупали штаны.

И вывод был у всех единый:
— Штаны что шкура — не дичись!
Вполне добротные штанины,
Хоть по камням волочись.

Я головой кивал согласно
На веский довод знатоков.
А вскоре выступили ясно
Достоинства моих штанов.

Среди ребят, как бы ведущий,
Уже повсюду знаменит,
Лозою, круглый год цветущей,
Я был, как дерево, обвит.

Пыльцой цветочной опыленный,
Кружил, ходил на голове,
Поскольку цвет штанов зеленый
Нельзя зазеленить в траве.

Однажды вышел случай глупый.
Коза, забыв и стыд и страх,
Зеленый лист, оскаля зубы,
Рванула на моих штанах.

Рванула, фыркнула, смутилась.
Сверкнули желтые глаза.
И оскорбленно удалилась
Недоуменная коза.

Я взял тот случай на заметку.
С тех пор на мельницу осел
За мной, как за зеленой веткой,
Вытягивая морду, шел.

...Но вот решили в город ехать.
От самой станции пешком
Шагал я, щелкая орехи,
С живым под мышкой гусакom.

Глядел автобусам вдогонку,
Глотая пыльный ветерок...
И тут-то встретилась девчонка,
Я не узнать ее не мог.

Я раньше с ней учился в школе,
Но, разлучась на много дней,
Я смутно, празднично, без боли
В деревне вспоминал о ней.

Но, головой кивнув обманно,
Коварно опустив глаза,
Девчонка фыркнула неожиданно,
Как деревенская коза.

Я взять хотел ее за ворот,
Но улыбался весь квартал.
Я понял горестно, что город
Моих штанов не понимал.

Любой прохожий мог обидеть.
И, потрясенный до основ,
Я стал их тайно ненавидеть,
Забыв оценку земляков.

Но с запоздалою улыбкой
Я признаю, как говорят,
Что было все-таки ошибкой
Менять зеленый свой наряд.

1958

ПОДКОВА

Мы шли с охотником леском.
И вдруг внезапная заминка:
Он землю ковырнул носком
Омытого росой ботинка.

Подкову ржавую подняв,
Тяжелые прищуря веки,
Протер железо о рукав
Видавшей виды телогрейки.

Но, зная старую примету,
Он, гор абхазских старожил,
Подкову найденную эту
На плоский камень положил.

Зачем? Чтобы однажды снова
Увидеть здесь ее опять?
А может быть, обычай новый --
Ее кому-то оставлять?

Я жил не так. Я бестолково
За клоком клочок у жизни рвал.
В дороге найденной подковы
Я никому не оставлял.

1957

АБХАЗСКАЯ ОСЕНЬ

Дай бог такой вам осени, друзья!
Початки кукурузные грызя,
Мы у огня сидим.
Ленивый дым,
Закручиваясь, лезет в дымоход,
И, глядя на огонь, колдует кот.

Дрова трещат. И сыплются у ног,
Как с наковальни, яростные брызги.
Замызганный, широкобокий, низкий,
К огню придвинут черный чугунок.

Мы слушаем, как в чугунке торопко,
Уютно хлюпает пахучая похлебка.

Золотозубая, горою кукуруза
Навалена почти до потолка,
И наша кухня светится от груза
Початков, бронзовеющих слегка.

А тыквы уродились — черт те что!
Таких, наверно, не видал никто:
Как будто сгрудились кабаньи туши,
Сюда на кухню забредя от стужи,
Они лежат вповалку на полу.
Глядишь: вот-вот захрюкают в углу,
И, прежде чем варить их над огнем,
Те тыквы разрубают колуном.

Нанизанные на сырой шпагат,
На гвоздике у закопченной дверцы,
Как ленты пулеметные, висят
Три связки перца.

Крестьянский перец обжигает рты,
Он учит нас ценить глоток воды.

Я перец ем. Вздыхаю и терплю.
Но красный цвет его мне по сердцу. Люблю.

Вот, до поры хмельную силу пряча,
Блестит в графине розовая чача.
А только рюмку опрокинешь в рот —
Ударит в грудь. Дыханье оборвет.
И на секунду горла поперек
Стоит, как раскаленный уголек.

Над медленным огнем сидим. Глядим.
Желтеет пламя. Голубеет дым.
Мы не спешим. Мы пьем за чаркой чарку,
Как мед, густую, сладкую мачарку.

Хозяин говорит мне
(Да не сразу,
Задумчиво, спокойно взвесив фразу):
— Вот так за лето не сидел ни разу.
А нынче — все! Хоть на голову снег!
Ломай чурек,
Свободный человек!

А скажешь так: «С хорошим урожаем!
Вы крепче всех как будто. В чем секрет?» —
Плечами жмет: мол, сами не рожаем,
Земля дала. Мы что?
И весь ответ.

Мы у огня сидим. Мы не спешим.
Желтеет пламя. Голубеет дым.

Вдруг — настезь дверь. И прямо из тумана —
Им хоть по снегу бегать босиком —
Ребята входят. Ведрами каштаны
Несут с собой. И следом — ветер в дом.

Сейчас в лесу во всей осенней мощи
Багряные каштановые рощи.

Каштаны летом покрывают ежики,
Дотронешься — уколешься нежданно.
Придумала природа эти ножики,
Чтоб до поры не трогали каштаны.

Теперь колючая распалась кожура,
И сыплются каштаны из нутра.
В такие дни, вставая на рассвете,
Их собирают дети и медведи.

...Огонь поленья лижет, языкат,
А в кухне запахам от запахов тесно.
Вином попахивает поздний виноград,
И виноградом — раннее вино.

Дай бог такой вам осени, друзья!
Дай бог вот так сидеть вам у костра,
Каштаны ли, орехи ли грызя,
За тихую беседой до утра.

1956

КВИШХЕТИ

Зелено-сизые вершины,
Лощины цвета янтаря,
В накрапах солнечных долины,
Распахнутые, как моря;

Где четко, четко в отдалении
Идут вдоль полевой тропы,
Загнув развилки по-оленьи,
Высоковольтные столбы.

Чуть серебрясь посередине,
Не подчиняясь никому,
Кура хозяйствует в долине
Подобно женщине в дому.

...Я выхожу в село Квишхети,
Покинув пыльное крыльцо.
Горячий полдень бьет, как ветер,
Как ветер, полдень бьет в лицо.

Не услышать, как ни тянитесь,
Ни звука. Где ж оно, село?
Страдою летнею насытись,
Село вповалку полегло.

Мильоном красных капель сливы
Свисают, ветви накрены.
Как овцы, выстрижены нивы,
Желтеет ровная стерня.

Стоит у дома пес понурый,
Стоит и спит ленивый страж.
Хозяин где-нибудь в Хашури
С утра вкушает жирный хаш.

В дома упрятались крестьяне,
В сады упрятались дома.
И в холодок невольно тянет,
Одолевает лень сама.

Живое прячется под тенью.
От лени лень ложится в тень.
Не то чтобы бороться с ленью,
О лени думать даже лень.

Лишь виноградник за работой.
Почти улавливает взгляд,
Как день и ночь, борясь с дремотой,
Упорно зреет виноград.

Он вырывается из листьев
С теплом и светом заодно,
Переливает солнце в кисти,
Как в бочки красное вино.

...Жарю свежей хлещет просинь.
Покой блаженный на душе.
Еще не наступила осень,
А лето кончилось уже.

1958

ПОГРАНИЧНАЯ НОЧЬ

Бак распахивают жаркую рубашку,
Окна домов — нараспашку.

Город уснул. Город спит...
Лижет волна гранит.

Готовые броситься морю в объятья,
Отбросив тени, как черные платья,
Сосны в ряд
Стоят на берегу,
Лодки спят на боку.

В пыльной зелени трав
Приморские спят бульвары.
От топота ног устав,
Потные спят тротуары.

Лунный свет садится на листья,
Он пробивает листву без труда,
Лунный свет струится сквозь листья,
Как сквозь пальцы вода.

И льется, и льется на землю
Неслышимый водопад...
Чутко деревья дремлют,
Птицы и дети спят,
Но, охраняя сон ребят,
Здесь часовые не спят.

Луна бледнеет. Луна устала.
Она как льдинка на дне бокала.
За черную гору заходит луна,
И ночь, как гора,
Черным-черна.
Тишина.

То ли скрип осторожных уключин,
То ль под ветром кустарник колючий?
То ли сонные рыбы всплеснули,
То ли мокрые весла блеснули?
То ли лодки плывущей звук,
То ли собственный сердца стук?

И вдруг!
Сбрасывая автоматы с плеча,
Бегут патрули, сапогами стуча,
Прожекторный луч хлестнул по воде!
Шарахнулись рыбы на дне.
А человек на черной волне
Как за стеной, в темноте.

И наискось, пробивая ветра,
Захлебываясь, летят катера.

Еще и еще! Метнулись лучи!
Скрестились лучи, как мечи.

И, пойманный светом с обеих сторон,
Он извивается, как скорпион.
Качнулся на волнах прожекторный блик.
Свегает. Светлеют нагорья.
Ворча и ворочаясь, как старик,
Во мгле
 засыпает
 море.

И тонет, вливаясь в шорох аллей,
Уходящий шаг патрулей.

БАЛЛАДА О РЫБНОМ ПРОМЫСЛЕ

Ровно в четыре часа поутру, ровно в
четыре часа,
Уши раковин ловят смутные голоса.
Люди, скребясь, вперевалку топают под обрыв,
Раскачивают баркасы, выталкивают в залив.

Вчера хоронили товарища, столетнего рыбака,
Земля под ногами, как лодка, покачивалась
слегка.

Сам председатель колхоза поминки так открывал,
Так открывал поминки, первый подняв бокал:
— Смерть унесла товарища, хоть был он не
очень стар.
Двойным уловом, товарищи, ответим на этот удар.
— Двойным и тройным уловом! — грянули рыбаки.
Двойным и тройным уловом! — грохнули сапоги.
А еще он сказал: — Товарищи! (второй
поднимая стакан)

Встань Сахалиди Христо, встань Николай Лобан!
Вы молодняк желторотый, можно сказать — икра,
В море, где нету милиции, драку подняли вчера.
Добычи план забывая, бдительность и устав,
В море подняли драку, рыбий косяк распугав.

Перед лицом покойника и безутешной родни,
Перед лицом товарищей, — здесь перед вами они.
Черт подери, клянитесь, что это в последний раз!
Черт подери, иначе... (он кулаком потряс),
Черт подери, иначе не допущу на баркас.

Перед лицом покойника и безутешной родни
Двое встают, целуются, клятву дают они.
Да. Сахалиди Христо. Да. Николай Лобан.
Клянутся не думать за драку, клянутся думать
за план.

Ровно в четыре часа поутру, ровно в четыре часа,
Поворачиваясь, уходят пристань, берег, коса.
Белые вороны моря — чайки, крылами стуча,
С поджатыми красными лапками проносятся мимо,
крича.

Пенится, колобродит, в страхе бежит от винта
Вывернутая изнанкой сиреневая вода.
А мы? Мы большими глотками, как огуречный
рассол,
Глотаем предутренний ветер, который хмель
поборол.

Море, высвежи голову, вылезь, вымой взор!
Мерно работает сердце, мерно стучит мотор.
Ноги поджав, как Будда, сидит на руле старик.
Крутая, крепкая шея, зубы, усы, башлык.
Хитрый старик, без улова он не приходит домой,
Не то чтобы приворот-слово — с морем язык другой.
Он понял его коварство, мелей и ветров секрет,
И море, как государство, платит за выслугу лет.

Четверо режутся в карты. Скалят веселые рты.
— Штрафованный, без передыху банку забортной
воды! —

Чинит один волокушу. Трубка шипит в зубах.
Как деревянная птичка, ходит игличка в руках.
Я с ними. Я тот, кто смеется, и тот, кто сидит
на руле,
И тот, кто плетет волокушу прочно петля к петле.
Я тот, кто играет, смеется, проигрывает, я тот,
Кто чаще других забортную, холодную воду пьет.

На горизонте в тумане густеет солнечный сок.
Так на свету сквозь яичко просвечивает желток.
Брызнуло солнце по краю овечьих, курчавых чащоб,
Словно подбросила жница рыжей пшеницы сноп.
Берег в кайме зеленой, белые города.
Разом поголубела сиреневая вода!

Но вот вырастает над морем рыбий загон-ставник.
— А ну-ка на весла наваливайся! — приказывает
старик. —

А ну-ка на весла, а ну-ка, баркас от воды
отрывай! —

Железные панцири мидий всосались в дерево свай.
Меж сваями тихо проходим. Весла в руках
и крюки.

Как статуи ожидания, замерли рыбаки.

Пружина широкие шеи, мерцающие, как медь,
Упругими перехватами двое выводят сеть.

Крюками ворочают эти, пена бежит по волнам,
Чтоб рыба ложилась на сети и смирно лежала там.
Чтоб рыба ложилась на спину, ложилась и ни гу-гу!
Клубится густая пена, подобная молоку.

А мы? Мы гребем сачками. Гребем, выгребая груз
Белесого, тряского стада набухших водою медуз.
Чтоб сети не оборвало, рывками гребем и гребем.
Медуз водяное сало мы выгребаем с трудом.

Пружина широкие шеи, мерцающие как медь,
Упругими перехватами двое выводят сеть.

Стойте! Забулькало море. Круги над водою. Кипит.
Рыба заговорила. Рыбина говорит.

Нашим сетям везучим, что женщинам, тяжелеть.

Жадными перехватами тянем и тянем сеть.

Выныривает с наклоном набитая рыбой гроздь,
По рыбам ударило солнце и отскочило вкось.

Сыплется, сыплется рыба! Падает на баркас.

Бьется о дно, куражит, шаманит, пускается в пляс.

Горбыль на сетях огромный с травой на плавнике,

Как будто бы дачник сонный запутался в гамаке.

Крапчата барабулька. Небесам удивлен карась.

Ставрида и пеламида лежат, судьбе покорясь.

Мы рыбу перебираем, сидим над грудой монет,
Чеканку с чеканкой сверяем, иную глядим на свет.

Кот морской ядовитый машет крысиным хвостом,
Махать прекращает немедленно, раздавленный
каблуком.

В воздухе промелькнула, шлепнулась на волну.
Мертвая, даже рыба камнем идет ко дну.

Водою соленой окачены, прошитые потом стократ,
Как будто морозом схвачены, рубахи и робы
трещат.

Однако же баста. Довольно. Пора подкрепиться.
Пора.

Мы досыта наработались. Мы голодны с утра.

Сыр, вино и редиска. Это ли не благодать?
Соль забыли. Редиску будем в море макать.
Мы напились и наелись. Много ли надо нам?
Много ли надо, если хлеб и вино — пополам.

Славлю силу мотора. Славлю удар весла.
Славлю простую радость рыбацкого ремесла.
...Большое, доброе небо. Поскрипывает баркас.
Тысячелетнее море в люльке баюкает нас.

СОЛНЦЕ, ДЕВУШКИ И ДЕТИ

Грянул в окна мокрый ветер,
Чую запах путешествий.
Солнце, девушки и дети,
Здравствуйте! Мы снова вместе.

Это каждый понимает,
И любому по карману:
Полпланеты принимает
Утра солнечную ванну.

Солнце в сердце накопите,
Дайте сердцу освещенье.
Не шумите, погодите, —
В жизни могут быть затмения.

Сумрак в доме будет зыбок,
Загрустите на балконе.
Но в запасе — сто улыбок,
Сто улыбок — тоже солнце!

Ты улыбкой осветилась
Юно, трепетно, тревожно.
Не у солнца ль научилась?
Ведь придумать невозможно.

Дети тоже с солнцем дружат,
Солнце — рыжий друг детишек,
Если нет, так почему же
Ловят солнечных зайчишек?

Ловят рыбу по затонам,
Храбрые бредут лесами
И глядят на мир зеленый
Следопытскими глазами.

...Мне порой бывает больно,
Как и всякому на свете.
Все же улыбнусь невольно
Солнцу, девушкам и детям.

Только так вот, даже если
Загустеет кровь от соли.
Оседает время в песне,
Человека жизнь — тем боле.

Если пахарь кинул семя —
Камень шевельнет росток.
Пусть разматывает время
Сердца золотой клубок.

Каждый лето отпирует,
И друзей любимых лица

Время так загримирует —
Ни побриться, ни отмыться.

Девушки уйдут из писем.
Дети вырастут другие.
Солнце, солнце, улыбнись им!
До свиданья, дорогие!

1957

* * *

Был душный вечер в Ботаническом,
Грозу готовила стихия.
Почти искрились электричеством
Глаза и волосы сухие.

Запахло порохом и палом,
И, словно облёгченья вздох,
По крышам, по скамьям, по шпалам
Во мгле рассыпался горох.

Грозой абхазской изумленная,
Напуганная не шутя,
Ты, словно веточка зеленая,
Отряхивалась от дождя.

А мне волнение незрячее
Кровь раздражало и томило.
А тело тонкое, горячее
Промокшим платьем облепило.

Склоненные деревьев купы,
Как всадники, сквозь мрак рвались.
Но не от страха — губы в губы,
И не от ветра — обнялись.

Запомнилось: летит, танцуя,
На плечи сбитая косынка
Да выпитая с поцелуем
Солоноватая дождевка.

1956

* * *

Ты помнишь? Мы в зарослях. Сбились с дороги.
Синеют вдали перелески,
А папоротник тени бросает под ноги,
Сквозные, как тень занавески.

Ступаем по травам горячим и юным,
В кустах продираемся боком.
Я громко свищу, чтобы вдруг на змею нам
Не наступить ненароком.

Всплывают и тают в густой синеве
Нагорных туманов кочевья.
И кажется, это не птицы в листве,
А сами щебечут деревья.

Я крепко сжимаю дрожащую руку.
Я чую начало тревоги.
Но нам ни за что не признаться друг другу,
Что больше не ищем дороги.

И искоса бьющий, как свет из-за тучи,
Который погаснет сейчас,
Глядит на меня любопытный и жгучий
Твой милый каштановый глаз.

Мы слушаем, лежа, смежая ресницы,
Сонных кустов шелестенье.
Зеленые тени ложатся на лица,
Зеленые, знойные тени.

Ты вспомни про это — и сумрак задышит,
Запахнет курчавый самшит...
Но горько мне как-то. Все тише и тише
Тот ветер в кустах шелестит.

С чужим человеком, любимая, ты.
Он ходит, регланом скрипя.
Он громко смеется. Он дарит цветы.
Он думает — знает тебя.

Он пиром отметит свое торжество,
Родне и друзьям напоказ,
Но он никогда не увидит его,
Тот жаркий каштановый глаз.

НОЧЬ

Голубеет асфальт под ногами.
То ли сумрачно, то ли светло...
Голубеет вода и камень,
На песке голубеет весло.

Настороженный по-оленьи,
Слух мой ловит издалека
Говорок, похожий на пенье,
Шелест платья и стук каблука.

Вот пушистая из тумана
Вылетает стайка подруг.
Может, поздно, а может, рано
Я впервые задумался вдруг.

Я не раз попадал им в сети,
А теперь я грушу невпопад,
Потому что девчонки эти
Не ко мне, а к другим спешат.

Неужели к тебе не проклюнусь,
Никакой не вернусь тропой?
Что с тобой мы наделали, юность,
Что наделали мы с тобой?

Ведь осталась любимая где-то,
Та, которая ждет меня,
Может быть, с позапрошлого лета,
Может быть, со вчерашнего дня.

...Теплоходы дымят на причале,
На вокзале фырчат поезда.
Разлучали нас, разлучали
Обстоятельства, города...

Мы кричали своим: «До свиданья!»,
Мы ловили испуганный взгляд,
Чуть заметное губ дрожанье,
И лицо за последнею гранью,
Как деревья, огни и зданья,
Опрокидывалось назад.

1959

ЕЖЕВИКА

С урочищем зеленым споря,
Сквозь заросли, сквозь бурелом
Река выбрасывалась в море,
Рыча, летела напролом.

А над рекою камень дикий,
Но даже камень не был пуст —
В него вцепился ежевики
Расплющенный зеленый куст.

Почти окованный камнями,
Он молча не признал оков,
Своими тонкими корнями
Прожилья камня пропоров.

...Не без опаски, осторожно
Я ветку тонкую загнул
И гроздя ягоды дорожной
Тихонько на ладонь стряхнул.

На солнце ягоды горели.
Голубоватые с боков,
Они лоснились и чернели,
Как лак на панцире жуков.

Дрожали ягод сочных капли
Над злой, над выжженной скалой
И все-таки не камнем пахли,
А солнцем пахли и землей.

...Ты человек. Но поживи-ка...
И выживи. И много дней
Живи, как эта ежевика,
Жизнь выжимая из камней!

1958

ПРОПАГАНДИСТ

В душе остался прочный след...
Я вспоминаю облик чистый
Послевоенных трудных лет
Колхозного пропагандиста.

Бывало скучно без него,
Говаривали люди в поле:
— Хороший парень!
— Парень — во!
— Пришел бы, почитал бы, что ли?

И он являлся тут как тут —
На перекур или к обеду.
Полуодет, полуобут,
Садился, распахнув газету.

Читал он громко, от души
И с выражением, бывало,
Про вероломство Чан Кай-ши
И мирового капитала.

Читал он, пафосом гремя,
Все точки на пути сшибая,
Позором классовым клеймя
Врагов Народного Китая.

Пускай мудреные слова
Шептал он про себя сначала,
Всей солидарностью жива,
Статья, как колокол, звучала.

И все же голосочек: — Дядь, —
Вдруг останавливал, — постой-ка! —
И выступала, так сказать,
Малоидейная прослойка.

И голоса, как бы в ответ,
Уже о трудностях вещают:
— Нет керосина!
— Соли нет!
— Все обещают, обещают!

Он наступал на эту прыть,
Он знал, сомненья обрубая,
Их только может перекрыть
Его уверенность большая.

...Но как бы ни было, поняв,
Что есть на все свои причины,
Улыбки прятали в рукав,
В кружок усаживались чинно.

Шел разговор о том, о сем...
И смех, и грех, и вздохи вдовыи...
И тут он свойским был во всем,
Все понимая по-сыновьи.

Своим действительно он был.
Его любили, отличая
Риторики невольной пыл
От самого. «Душа живая!»

В года бескормицы и стуж
Он был в те времена крутые
Политруком усталых душ
Прекрасных дочерей России.

И душам делалось светло,
И виделось глазам просторно,
И что-то славное росло,
И было главное бесспорно!

...Однако же пора за труд.
Пропагандист смеется: — Баста!
Меня в других бригадах ждут,
Вы не одни у государства.

С приподнятою головой,
Простой и вместе величавый,
Шел безупречный рядовой
Гражданской армии державы.

...Приметы тех суровых дней
Теперь, пожалуй, не отыщем...
Но вот он в памяти моей:
В бушлате, стертом у локтей,
Идет в мороз или жарищу
Истолкователь новостей,
Великий сельский грамотей
С газетиной за голенищем.

1958

СПУТНИК НАД ПОЛЕВЫМ СТАНОМ

Готовясь к ужину у будочки рябой,
Где пьяно пахли свежие покосы,
Пожевывая вяло папиросы,
Стояли полуголою толпой,
Широкоскулы и широколобы,
Обросшие щетиной хлебобобы.

— Ребята, спутник! — гаркнул кто-то вдруг.
И головы рванулись к небу разом,
Как будто верил и не верил разум.
В глазах и любопытство и испуг.

Как воду темную, пространство рассекая,
Плыл желтый свет бесшумно, не мигая,
Он поднимался медленно в зенит.

Полузвезда с моторами земными,
Овеянный ветрами ледяными,
Рожденный гением земной метеорит.

Куда вела его небесная тропа?
Зачем он плыл над нами, над хлебами?
Над спящими в ночи материками,
Тревожно спящими... Куда он плыл над нами,
Неотвратим и точен, как судьба?

Быть может, о живом, земном тепле
Он каждым атомом тоскует по Земле?
Или в холодной ярости упорства,
С загадкой грозною вступив в единоборство,
Летит, летит в пустынной полумгле?

...Мы медленно очнулись. Было тихо.
Как бы реальность чуда утверждая,
Задравши голову, стояла повариха,
В парах борща богиня полевая.

А мы стоим, предчувствием томясь,
Меж ним и нами ощущая связь,
И, может быть, совсем не без причины...

Обросшие щетиною мужчины
Смывали с рук бензин, автол и грязь,
Казалось, моют руки, наклонясь,
Механики космической машины.

КОЛХОЗНИКИ В ТЕАТРЕ

Они внезапно подкатили
На двадцати грузовиках,
Как будто город захватили
На двадцати броневиках!

При свете многоглавой люстры
Они оглядывали зал.
Народа шествие к искусству
Сам предколхоза возглавлял.

Он, оторвав себя от пахот,
Уселся в ложе под углом,
Рукой упершись в красный бархат,
Как за правленческим столом.

Избегнув споров и сумятиц
Средь канцелярских воротил,
Он всех свинарок и телятниц
С собою рядом усадил.

Он, как пшеницу и капусту,
Хотел бы, каждому воздав,
По трудодням делить искусство —
И был бы безусловно прав.

На ветошь пышных декораций
Глядели люди в полутьму.
Они хотели загораться
И загорались потому.

Была вещичка неказиста.
Но коллектив рукоплескал,
Хотя б стараниям артистов,
Хотя б за этот теплый зал.

Но вот рассыпались в антракте.
А кто-то вспомнил про буфет.
— А ну-ка, братцы, приналягте! —
У стойки застонал паркет.

О, сколько сдержанных трагедий
Их память цепкая хранит!
Напоминают лица эти
Слегка оформленный гранит.

Их склад душевный безупречен.
Но не дошли до полотна
И ранние морщины женщин
И красные их ордена.

Но вот звонок. И снова действие,
И мелочных ролей позор.
Конец! Гудящее семейство
Вплывает в гулкий коридор.

Они идут, толпясь в проходе.
Они беседуют уже
О пахоте, о непогоде,
О ферме и о фураже.

От рампы и от полусвета
Они ушли в реальный мир.
В пустом фойе им вслед с портрета
Глядел растерянный Шекспир.

1960

ПОТ

Распахнул он рубашку на горле,
Потянул через голову вверх.
Там, где мышцы ее перетерли,
Тело глянуло из прорех.

И ударил запах работы,
С ароматами лета споря,
Крепкий запах горячего пота
Всколыхнулся, как запах моря.

1957

В ШАХТЕ

Ты в шахту вошел, как в холодную реку.
Пять километров по темному штреку!
Эй, налетит вагонетка с разбегу!
Пять километров по темному штреку!

Ты виснешь над бездной, сползая по гезингу,
Пальцы вжимаются в мокрую лесенку,
Глаза ошалелые шарят по своду...
Но вот наконец ты присел на породу.
Присел и вздохнул. Доволен собою.
Уголь вокруг — ты дошел до забоя.

На лбу твоём — черные капельки пота,
Тебе отдохнуть хорошенько охота,
Пуškai хоть за шиворот льется вода.

Ты только дошел до места работы,
А люди работать приходят сюда.

1957

СТАРЫЙ ДВОР

Среди портовых спекулянтов,
Среди непризнанных талантов,
Официантов, музыкантов —
Бог весть откуда в той дыре
Жил, помнится, рабочий парень.
Чуть косоглазый, как татарин,
Огнем ли, солнцем ли прожарен,
Он появлялся во дворе.

Родов прославленных потомки
Или купеческих обломки,
Они сложили здесь котомки;
И без особенных помех
Окаменевшие коряги,
Прижившись, жили в полумраке,
По праздникам у окон флаги
Вывешивая раньше всех.

Еще харчи у них получше,
Наливки всякие на случай
И граммофон (как бы из тучи

Гремит, не умолкая, бас),
Но понимали эти люди,
Что парень хоть живет в закуте,
Но за спиной его по сути
Большой, настороженный класс.

Сутуловатый и высокий,
Большой, угрюмый, одинокий,
Он шел с работы...
На пороге
Рубаху стягивал с себя.
Мальчишки воду приносили,
Он головой в кудлатом мыле
Мотал, чтобы точнее лили,
Покашливая и сопя.

Он был любимей всех на свете;
То змей, то удочки, то сети...
К тому же мускулы... А дети
Не могут силу не любить.
Он их порой ругал свирепо,
Но змей летел, качаясь, в небо,
Их связывала больше хлеба
Протянутая к солнцу нить.

Родители? Они едва ли
Такую дружбу одобряли.
Они детей ремнями драли,
Потом в кругу своих друзей
Говаривали не без грусти:
— Живем в паршивом захолустье,
Достаток отняли... допустим...
Так мало им... теперь детей.

Но как-то грузовик тяжелый
Во двор заехал. И веселый
Шофер кричал: — Эй, новоселы,
А ну-ка в кузов с барахлом! —
И парень вроде виновато,
Махнув рукой: «Прощай, ребята!» —
Уехал с матерью куда-то —
Квартиру выдал им завком.

Еще распахнуты ворота.
Играть, должно быть, неохота?
Притихли дети. И чего-то
Притих неугомонный день.
И как-то стало пусто, пусто,
И Боцман пальцы сжал до хруста,
И вдруг задумался Капуста,
И вдруг расплакался Тюлень.

О старый двор! Парные лужи.
О дом! Нелепый, неуклюжий,
В разводах сырости и стужи,
Чуть покосившийся скелет.
В подпорках ветхие балконы,
На стенах, мокрых и зловонных,
Порой виднелся скорпиона
Недвижный, четкий силуэт.

Мы никого не попрекаем.
Мы только голоса окраин.
Он нас задел каким-то краем,
Тот мир мещанских очагов.
Но мы рвались к тебе, Россия,

Сквозь толки хитрые и злые,
От красных галстуков впервые
До красных ленинских томов.

Мы возвращаемся в предместья.
— Эй, отчий край! Какие вести? —
Как будто бы не двадцать — двести
Прошло немыслимых годов.
Прошло сквозь наше поколение,
Сквозь все сердца и все сомненья,
Сквозь все дворы и все строенья,
Сквозь чад стареющих домов.

Здесь новый дом...
Шумят ребята,
Как мы, товарищ мой, когда-то.
И хоть, конечно, грустновато,
Но мы,
 мы молоды еще!
Мы стали не скупей, а строже,
А старый двор... Он век свой дожил.
Он умер, старый двор. Ну что же!
Он это сделал хорошо.

1959

В ПАРКЕ

Над парком гремит радиола,
Сзывая парней и девчат, —
Танцует вечерняя школа,
За поясом книжки торчат.

Здесь пришлый народ и окрестный
Плясать до упаду готов,
Здесь девочки с фабрики местной,
Матросы торговых судов.

От страсти хрипит радиола,
Ботинки и туфли гремят.
В обнимку вечерняя школа
И кожобувной комбинат.

Хозяин портального крана —
Пускай не изысканный вид,
Но мелочь порою в кармане
Гусарскою шпорой звенит.

А вон и знакомые лица.
Танцуют с военных времен.
Им боязно остановиться,
Им страшно лететь под уклон.

На шаткие доски настила
Из круга семьи и подруг
Войны центробежная сила
Их вбросила в бешеный круг.

Пора бы какую новинку
К домашнему, что ли, теплу.
Но словно заело пластинку
И некому сдвинуть иглу.

А впрочем, гремит радиола.
Ботинки и туфли гремят.
В обнимку вечерняя школа
И кожобувной комбинат.

Но вот я заметил в сторонке,
Кривляясь на узкой тропе,
С подружками рядом девчонка
Танцует сама по себе.

Без всяких стеснений излишних
Танцует у всех на глазах
В своих выцветающих, лыжных,
В своих непомерных штанах.

И в каждом движенье насмешка
И вызов небрежный судьбе,
Зеленая крепость орешка,
Уверенность, что ли, в себе.

Сияет глазастое чудо,
Которое не позабыть.
И черт его знает откуда
Ее бесшабашная прыть!

Смеется панамка, спадая
С летящих дождинок волос,
Смеется осанка лихая,
Смеется облупленный нос.

1960

ЦЫГАНЫ НА ПРИСТАНИ

На пристани цыганы.
В глазах темным-темно.
Граненые стаканы.
Дешевое вино.

Ладонями кривыми
Стирая пот с лица,
Сидят в лохматом дыме
Два старых кузнеца.

Давясь сухой воблой,
Переходя на крик,
Давясь слезою теплой,
Заговорил старик

(Руками рвя у горла
Потрепанный сатин):
— Одиннадцать померло,
Двенадцатый один!

Стоит мальчишка рядом,
Кудряв и черномаз.

Глядит серьезным взглядом,
С отца не сводит глаз.

Бледнея от обиды,
Нахохленной птенца,
Глядит, глядит сердито
На пьяного отца.

А тот все рвет у горла
Потрепанный сатин:
— Одиннадцать померло,
Двенадцатый один!

Есть лошадь, жеребенок...
И баба тоже есть.
А это мой ребенок.
И вот я, вот я весь!

Пока еще не слабый,
Пока еще в ходу,
Возьму ребенка, бабу —
Из табора уйду.

Тебя любил я, боже,
Покрепче, чем коня,
Цыганский бог, за что же
Обидел ты меня?!

Тобой обижен цыган.
За что узял детей?
Уйду в село на выгон
Пасти чужих коней.

Сыночек! Человечек!
Где братья? Братья — нет!
Буфетчик, эй, буфетчик!
Дай мальчику конфет!

Дай мальчику печенье,
Котлеты тоже дай!
Мученье есть мученье,
Гуляй, сынок, гуляй!

Но мальчик головою
Мотает: «Не хочу!»
Ладонью худою
Бьет батьку по плечу.

Он сердится. Он мерзнет.
Он тычет кулаком.
— Пидем до мамки. Поздно.
Пидем, отец. Пидем!

Подняв шапчонку с полу,
Шатаясь, встал цыган.
Его ведет за полу
Упрямый мальчуган.

Ведет его сурово
До ближнего сельца,
Притихшего, хмельного
Усталого отца.

* * *

Румянец юности давно слетел со щек,
А жизнь не так проста и нелегка.
Их возраст девичий колеблется еще
От двадцати пяти до сорока.

И на вопрос, порою грубоватый,
Они отводят вдруг смущенный взгляд.
Они, как будто в чем-то виноваты,
О том, что одиноки, говорят.

Кто знал, что те мальчишки невлюбленные,
Смешные сочинявшие стихи,
Они и есть боями опаленные,
Не ставшие мужьями женихи.

Кто знал, что имена ребят веселых,
Знакомые так просто и так близко,
На черных партах нацарапанные в школах,
На белых повторяются обелисках.

В сухих, колючих землях Сталинграда,
Под черноземом украинским спят
Не только юные, безусые солдаты,
Спят неродившиеся дети тех солдат.

Ты говоришь: живые — не в долгу,
Войной война, и льется кровь мужская.
А я смотреть спокойно не могу,
Как женщины чужих детей ласкают.

1957

НА ПАЛУБЕ

Что это, я не знаю,
Что это вспомнилось мне?
Линия береговая,
Музыка на волне.

Свет голубой и зеленый
Праздничного огня.
Бабы.
Узлы.
Бидоны.
Палуба. Толкотня.

Я под брезентом усажен
Среди мешков и овчин.
Пахло смолой и сажей.
Душным дыханьем машин.

Рядом отец мой нестарый
Трубкой уютно дымил.
Кто-то играл на гитаре,
Кто-то ребенка кормил.

Кто-то играл на гитаре,
Струнами тихо звеня.
Бабы.
Бидоны.
Татары.
Палуба. Толкотня.

Веки отца соколиные.
Глаз обжигает белком.
Помню усы его длинные,
Пахнувшие винцом.

Веяло чем-то кавказским,
Южнороссийским, своим.
Чем-то таким цыганским.
Таборным. Кочевым.

Помню платки и платочки.
Каждый на собственный вкус.
Выложенные на бочке
Яблоки, рыбу, арбуз.

Моря ночного прохлада,
Доброй луны леденец.
...С матерью вез нас куда-то
Мой невезучий отец.

1959

МАТЬ

Ослабла, мать. Легко ль тебе согреться?
Я знаю, по ночам, ложась в кровать,
Сначала ты укладываешь сердце,
Как раньше нас укладывала спать.

С шитьем сидишь, читаешь ли от скуки,
Губами медленно, по-детски шевеля,
На белой скатерти твои большие руки.
Они теплы, как летняя земля.

Да, как земля, щедры, неутомимы.
Меня ходить учили по траве,
Коровам тощим теребили вымя
И гладили телят по голове.

Нить, заострив, легко в иглу вдевали,
Раскалывали колуном дрова.
Их кружева порою окружали, —
Горячей мыльной пены кружева.

На них иные были бы нелепы.
Огнеупорные, они в огне судеб
Порой месили глину лучше хлеба,
Чтоб детям зарабатывать на хлеб...

Они дубели, трескались на стуже.
Суставы изнутри ломал январь.
Они листали в тридцать неуклюже
Врученный революцией букварь.

Граненные жестокими ветрами,
Страдой эпохи, твои руки, мать,
Шершавые и красные, как знамя,
Их надобно, как знамя, целовать.

1958

ЧЕШСКИЙ ЦИРК В СТАЛИНГРАДЕ

Бьет в глаза раскрашенный плакат:
Чешский цирк приехал в Сталинград.

Острые глаза свои прищуря,
Семечки грызя и балагурия,
Поедая тоннами мороженое,
Входит в цирк толпа неосторожная;

По-хозяйски озирается, садится,
На арену поворачивает лица
И, как ливень, замолкает, затихая:
На арене — акробатка молодая.

Вот она взбирается по лесенке,
Ладная и стройная, как песенка,
А под куполом — трапедия высокая.
Мы следим за девушкой с тревогою,
Самый трудный номер начинается:
Девушка под куполом качается.

Вдруг протрется тонкая веревка?
Вдруг в расчетах девушки ошибка?!
Над ареной запрокинута головка,
Над ареной запрокинута улыбка.
И лучей прожекторных сплетенье
Освещает белые колени,
Белые и круглые, как луны,
Акробатки юной.

И качается трапеция высокая,
И качается девчонка синеокая!
Но внезапно, руки опустив,
Девушка бросается в обрыв.

Развернулось тело, как пружина,
Рассекая воздух на лету,
Головою вниз неудержимо
Падает, теряя высоту.

Ахнул цирк и на мгновенье замер...
Он старался удержать ее глазами,
Он привстал, чтоб девушку спасти,
Сотни рук подставив на пути.

Капли пота на висках как градины.
У людей глаза округлил страх.
Только — что это?
Уже на перекладине
Девушка с улыбкой на губах:

Дескать, не было причины волноваться вам,
Дескать, вовсе не привыкла я к овациям.
Пожимает узкими плечами,
Улыбается словацкими очами.

А над цирком не смолкает гром,
Эхо обрывается вдали.
Сталинградцы, помните ль о том,
Как давно-давно, в сорок втором,
Эту девушку вы все-таки спасли?

1956

ПИОНЕРЫ НА МАМАЕВОМ КУРГАНЕ

Волгою приехав из Казани —
Пионеры на Мамаевом кургане.
Смуглые, веснушчатые дети
Раззвенелись, словно птицы на рассвете.

Только всех собрав у обелиска,
Наклонившись к аппарату низко
И треногу шаткую потрогав,
Их фотографировал фотограф.

А они сниматься не хотели,
Улыбались, хмурились, галдели,
На фотографа поглядывали косо,
Пионерок дергали за косы,
Мерили шагами след воронки,
За водой стояли у колонки.
И оспаривали жестяную кружку,
И осматривали каменную пушку.

Им вожатые о подвигах читали
Тех, что танкам шли наперерез...

А на детских лицах нет печали,
Только жгучий детский интерес.

Но, возможно, вспомнит смутно-смутно
Кто-нибудь из них, как было трудно.
Год далекий... И лицо у мамы
Посерело, как бумага телеграммы.
Вспомнит на секунду — и довольно:
Дети забывают то, что больно.

Их, что учатся еще в любимой школе,
От забот свободных и от боли,
Их, мечтающих о землях неоткрытых,
О лесах, лианами увитых,
О зеленых волнах океана,
Грустными здесь видеть было б странно.

Разбрелись ребята по кургану...
Пароходик прогудел над Волгой.
Сумерки сгустились торопливые.
А на скатах ржавые осколки
Находили самые счастливые.

1956

ПЕРВЫЙ АРБУЗ

Над степью висит раскаленное солнце.
Сидят под навесом три волгодонца.
На степь глядят

из-под навеса,
Едят с повышенным интересом.
Еще бы!

Ребята устали за день.
Рубашки к телу прилипли сзади.
А под столом в огромном ведре
Арбуз прохлаждается в свежей воде.
Фабричным клеймом

на кожуре
Кто-то старательно выскреб «В. Д.»
Его на стол кладут осторожно,
С минуту любуясь, не режут нарочно.
Но вот в него нож

вонзился, шурша,
И брызнули косточки,
скользки и липки,
С треском выпрыгивая
из-под ножа,

Как будто живые черные рыбки.
Арбуз просахарен

от жары

До звонкой и тонкой своей кожуры.
Прохлада ознобом проходит по коже,
А ломкие ломти на соты похожи.
Влажной землей арбуз пропах,
Он, как снег под ногами,

хрустит на зубах,

И сочная мякоть его красновата,
Как снег, окрапленный

февральским закатом.

Еще степи пахнут паленой травой,
Еще на рубашке пот трудовой,
Но с первой бахчи друзья принесли
Первый арбуз — благодарность земли.

РОДНИК

Родник в орешнике дремучем.
Я заклинаю от беды
Струю холодной и колючей,
Железом пахнущей воды.

Сгорая от колхидской жажды,
Бродя урочищем глухим,
Его мой дед открыл однажды
И поселился перед ним.

Родник! Воды живой свеченье
Поит живое существо.
Здесь даже летоисчисленье
Со дня открытия его.

У каменной заветной ниши
Ограду соорудил народ.
А водопой чуть-чуть пониже —
Сначала люди, после скот.

В нем столько силы затаенной,
Что даже колья вокруг него

Листою брызнули зеленой
И знать не знали ничего.

К нему с кувшином обожженным
Я по утрам бежал один,
И в тишине настороженной
Гудело сердце, как кувшин.

Под камнем черным и отвесным
Лежал, прозрачный до нутра,
Недвижный и тяжеловесный
Могучий слиток серебра.

Над ним шиповник цвел глазастый.
Какой-то паучок сквозной,
Как конькобежец голенастый,
Скользил по глади ледяной.

Бывало, всадник мимоезжий
Коня осадит у плетня.
— А ну-ка, водочерпий, свежей! —
И грузно свесится с коня.

Он пил, покачиваясь еле,
Взопревший конь топтал тропу,
А капли пота холодили
На стенках кружки и на лбу.

Бывало, в праздник — кто безгрешен? —
Шатая выхрапом траву,
У родника в тени орешен
Гуляка приклонял главу.

Орда девчат соседских наших
Катилась под гору порой,
Ольховый выстроив шалашик,
Окатывалась той водой.

И сколько вскриков огорченных,
Дрожащих улетало вдаль,
Когда вода струей крученой
На их плечах разгоряченных
Обламывалась, как хрусталь!

От жизни скучной и снотворной
И от иной спасал беды
Глоток упругой, животворной,
Когда-то выпитой воды.

Уходит вдаль моя дорога,
Но не забуду ни на миг
Тебя, исток моих истоков,
В густом орешнике родник!

СОДЕРЖАНИЕ

Парень с ястребом	5
Хочу я в горы...	8
Парень с мотыгой	11
Буйволы	13
Соль	15
Туристы	17
Весна	19
Сахарные сливы	22
Кукуруза	25
Зеленые штаны	28
Подкова	32
Абхазская осень	34
Квишхети	38
Пограничная ночь	41
Баллада о рыбном промысле	44
Солнце, девушки и дети	49
«Был душный вечер в Ботаническом...»	52
«Ты помнишь? Мы в зарослях...»	54
Ночь	56
Ежевика	58
Пропагандист	60
Спутник над полевым станом	64

Колхозники в театре	66
Пот	69
В шахте	70
Старый двор	71
В парке	75
Цыганы на пристани	78
«Румянец юности...»	81
На палубе	83
Мать	85
Чешский цирк в Сталинграде	87
Пионеры на Мамаевом кургане	90
Первый арбуз	92
Родник	94

Искандер Фазиль Абдулович

ЗЕЛЕНый ДОЖДЬ

*

Редактор *В. Б. Дементьев*
Художник *В. В. Перцов*
Худож. редактор *В. И. Морозов*
Техн. редактор *Н. Л. Греймер*
Корректор *Л. Н. Морозова*

*

Сдано в набор 21/VII 1960 г. Подписано
к печати 19/X 1960 г. А09268. Бумага
70×108¹/₃₂. Печ. л. 3¹/₈ (4,28). Уч.-изд.
л. 2,53. Тираж 2000 экз. Заказ № 1034.
Цена 1 р. 30 к. С 1. I. 1961 г. цена 13 к.

*

Издательство «Советский писатель»
Москва К-9, Б. Гнезниковский пер., 10.
Тип. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.

*Издательство просит читателя дать отзыв
как о содержании книги, так и об оформлении ее,
указав свой точный адрес, профессию и возраст.*

*Библиотечных работников издательство просит
организовать учет спроса на книгу
и сбор читательских отзывов.*

Все материалы направлять по адресу:

*Москва К-9, Б. Гнездиковский пер., 10,
издательство «Советский писатель».*

102

1 р. 30 к.

С 1.1.1961 г. — 13 к.

